

УДК 1(091)+165.9

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.2.032

АРХЕОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА: ПОТЕНЦИАЛ НОЭЗИСА (статья 1)

В.В. Ильин*, К.В. Ильин**

*ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана» (Национальный исследовательский университет), г. Москва

** ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва

Обостряя интригующий гносеологический сюжет: научная деятельность предметно удостоверительна, но с какой-то точки сатурации не инновационна; продуктивно расширительная научная деятельность предметно не удостоверительна, – авторы намечают перспективы снятия коллизии. В качестве положительного взгляда на природу вещей обосновывается: источник нового в ищущем духе – животворная сила предметно адаптированного воображительного начала, запускающего механизм продуктивных расширяющих синтезов.

Ключевые слова: эстетика, поэтика, воображение, продуктивный расширяющий синтез.

Ввиду полифундаментальности внутренней природы человек, будучи существом рациональным, действует не всегда – не только, не вполне, не исключительно – рационально. Последнее регистрируется онтологически-онтически закреплёнными функциональными модусами (локусами, топосами) его преимущественной реализации, получающими именование: сфера познания, сфера желания, сфера воления, сфера воображения и т. д., акцентуирующими специфическую мотивацию само-деятельности разными способностями души в разных отсеках значимого, с разной силой проявления обнажающими привилегию то «сознания», то «чувства», то «сверхсознания», то «подсознания».

Констатация многофакторности духовной реализации, не подрывая базовую трактовку сапиента как агента избирательно-целесообразного действия, сообразующегося с характером заявления себя в заданных условиях, тем самым, – специфицируя данный характер применительно к внепознавательным сферам, – все-таки кладет некую тень на определенность активности в сфере познания: в силу упомянутой многогранности человечности и способ вершения судеб знания не до мозга костей рационален.

Дело здесь даже не столько в широко известных, умело тематизируемых гносеологией «аффектах», «фобиях», «диспозициях», сколько в самом существе творческого поэзиса, в отличии от мимезиса не пользующегося кальками, образцами, правилами порождения результатов ни в эстетизме [8], ни в ноэзисе. Не случайно традиционная доктрина науки сосредоточивается

© Ильин В.В., Ильин К.В., 2025

на моделировании ситуации в корпусе ставшего общеобязательного (статутного) знания, воспринимаемого стандартным носителем когнитивных способностей, в чьих жилах течет универсальная когитальная кровь, говоря языком Августина, в качестве *tranquillitas ordinis*.

Кузнец носит оковы, которые сам же и выковал, – замечает Эразм. Идеология незыблемых сводов результатов (знание) – процессов (деятельность) технически понятна: вводя необходимые концептуированию универсалии (от безусловных положений до безусловных же их порождений), она обеспечивает предпосылки развертывания канонической теории науки, где та выставляется номологическим предприятием; – но рефлексивно не взвешена: вводимые нереалистичные образы явлений как компендиев продуктов мастеров без их дел не имеют ни опытных, ни логических оправданий.

По гамбургскому счету, некомпенсируемые издержки классической гносеологической теоретизации сообразно установке: силуюсь быть глубоким, делаюсь непонятым, стягиваются в контрпродуктивные пункты:

1. Подвергается обструкции тематизация расширения знания. Работоспособная вариация концептуального сдвига $\langle \bar{S} \cdot O \rangle$, где $\bar{S}$ – недостаточное для первопроходца субъективное основание; O – достаточное объективное основание признания чего-то за истину, – классической гносеологией радикально исключается из рассмотрения [7]. На том резоне, что не согласуется с ригидным истолкованием знания как свода патентованных непроблематизируемых обязательств. Негативные импликации подобного восприятия ситуации – эпистемологический фундаментализм, кумулятивизм, квантитативизм, расценивающий когнитивный прогресс как малоценную детализацию известного.

2. Подчеркнутая идиосинкразия к продуктивным способностям познавателя. В силу дискредитации «воображения» проблематика концептуальной инноватики нарочито обойдена философией науки Канта; в силу панлогистских интенций Гегеля, директив совпадения рядов «вещей и идей» в двойственном «становлении» [4] сюжетики получения ментально нетривиального окончательно тривиализирована. Классическая гносеология не обогащает доктрину познания моделью возникновения нового знания, оставляя тайной за семью печатями: откуда оно берется?! Естественное убийственное недоумение: «чем обеспечивается познавательная динамика?» оказывается не устранимым.

3. Эфемерен превентивный образ науки как само-действующей машинерии, не оставляющей места заявлению «особого характера» субъекта. Традиционная схема наукоучения «познание без познавателя», антропологически всесторонне выхолащивая вершение судеб знания, лишает его признаков человечности. Вопреки этому «ищут», «продвигают», «доказывают», «открывают»

- конкретные лица, чьи имена маркеруют фундаментальные законы, теоремы, тезисы, правила;

- конкретные общества, чьи физиономические подробности маркируют [6] типологические черты когитальных агрегаций по эвристической группировке: гипотезы существования (формализм – интуиционизм); онтологические допущения (динамизм – статистизм); постулаты значения (инфинитизм – финитизм); по социально-исторической группировке: античная, средневековая, классическая, неклассическая, неонеклассическая наука.

Налицо дисбаланс «теория-история»: абстрактная ориентация на концептуальный унитаризм подрывает конкретную ориентацию на фактуальный плюрализм; доктринальная сценография реальности дискредитируется собственной эмпирической неадаптированностью.

Не избегая острых углов, не будем чураться осмысления сущностного. Наука атрибутируется универсальными (парадигма науки); ареальными (эпохальные, дисциплинарные, тематические параметры); уникальными (фон личности, родимые пятна места-времени-действия) признаками. Гиперболизация общего в выстраивании эссенциальной картины науки влечет необоснованный «абсолютизм» (традиционные гносеологические проекты наукоучения); гиперболизация частного – не менее необоснованный «релятивизм» (традиционные культурологические конструкции науки).

В первом случае производится движение в сюжете «общая консолидация знания»; без утрирования интертекстуальных «сквозных линий», введения инвариантов тут не обойтись. Во втором случае осуществляется движение в сюжете «частная консолидация знания»; без утрирования контекстуальных «замкнутых линий», допущения вариантов тут также не обойтись.

Изъян одной стратегии – избыточный, но в чем-то неизбежный ригоризм, позволяющий ставить и снимать проблему демаркации [2], и только вследствие того – разворачивать философию науки. Изъян другой стратегии – неизбежный факультативный плюрализм, дезавуирующий философию науки. Опуская аргументацию, сошлемся на Шпенглера, отсутствие специальной подготовки у которого позволяло комбинировать досужим мозаичным принципом функционирования науки по правилу: *cujus regio, ejus religio*. Иначе не объяснить появление странной аффирмации: каждая культура создавала себе собственную науку (естествознание) [13, с. 406].

Замкнутые, некогерентные кванты знания различных культур... Как будто нет единой общечеловеческой культуры, универсальной науки?... В обременении себя пустопорожними, вздорными упражнениями можно пойти дальше, экстраполируя районирование не только на культурный, но и антропный материал, допуская тем самым для каждого (чей мозг в полном «порядке-беспорядке») автономную науку. Тогда – где преемственность, соответствие, сопряжение, восхождение к объективным основаниям истины... здравомысленное эпистемологическое чувство реальности?

Есть ли проход между Харибдой и Сциллой?

Методологический статус затруднения востребует методологического же способа его снятия. Положительный импульс продуктивному

размышлению придает уяснение природы рациональности действия в науке.

Как ни странно, проблема: что такое рациональность в науке? – не имеет однозначной и притом всеохватно исчерпывающей экспликации. Учитывая разнокалиберность ценностных правил включения неких знаний в науку, уместно осуществлять регулятивную диверсификацию: в твердом (достаточно инертном, спорадично не проблематизируемом) ядре согласно установке «объективность» центрируются показатели максимальной достоверности, обоснованности; в науке переднего края согласно установке «эвристичность» центрируются критерии информативности, нетривиальности.

Сообразно таким различиям в гносеологическом моделировании особенностей

- твердого ядра исключается деформирующая реализм «субъективность», – откуда гиперрациональный образ наиндивидуального, имперсонального, сверхличностного знания;

- переднего края исключается деформирующая прогрессизм «демонстративность», – откуда гипернерациональный образ «сумасшедших идей», сдвигологических представлений с неизбежным включением в знание элементов досадной субъективности вплоть до сюрра, абсурда, нонсенса («выбросы» самости).

Налицо фрагментация деонтических сегментов, где один детерминирован *status rerum* (SR), другой – поиском. В сильной гносеологии они не смешиваются: SR фундируется внеситуативными факторами типа «аффицирование» (Кант), «общественно-историческая практика» (Маркс); поиск – ситуативными интуициями инспирирующей новизны.

На фоне сказанного безнадежно ошибался Шопенгауэр, допускавший обратное: «Все, что принадлежит... может принадлежать миру... отмечено печатью... обусловленности субъектом» [12, с. 54].

Печатью субъективности отмечена форма, но не содержание науки, – в противном случае она не могла бы – в отличие от альтернативных ей видов знания – претендовать на освоение не заслоняемого «представлением» «мира».

Но все же, – содержательные единицы твердого ядра, абсорбирующие SR, кристаллизуются из достаточно факультативных допущений инициатив переднего края. Каким образом? За счет чего? Если катализатор умственного движения не «воля», но «сущее», – как из «Одиссеи» эстемных несистемных исканий возникает «Галилея» ноземных системных взглядов?

Задача продуктивной интеллектуальности разгадывается на пути реконструкции актов творчества.

Оттолкнемся от очевидного. Предел совершенства умствования – разноречивых мечтательных экзерциций от эстезиса до нозиса суть показ «реальности» – того «что есть». О том применительно к художественному опыту учит искусствоведение (поэтика эстетического), о том же применительно к научному опыту учит науковедение (поэтика нозматического).

Отчетливо вводимый ракурс *de re*, налаживая обязательную реалистическую тенденцию (присутствие SR), неожиданно быстро, к несчастью, выдыхается, – истощается собственной худосочностью: асерторическая модальность обработки материи мысли для творческих операций всегда недостаточна: в художественности ей не хватает развлекательности, интриги, сшибки; в научности – полета разума, силы идей, глубины трактовки.

И там, и тут, и – повсеместно – страдает образность, подтачивается интенсивность (не случайно и в ядре науки – логике ставки делаются на разработку более богатых интенциональных выразительных систем). Предобусловленный выход из душного тупика – отказ от показа «что есть» заменой его показом «что бывает».

Трансформированный ракурс *de dicto*, ущемляя реалистичность, компенсирует издержки потенциала *de re* пиршеством мечты, причудой фантазии, могуществом воображительного порыва. Приобретения искусства очевидны: моторизацией нереально-возможного – обследованием модельных страданий, осуществлений героев – достигается катарсис; как выводил Пушкин: изображение романских страстей, излиятий души человеческой всегда ново (!), велико (!!), поучительно (!!!); на какой же иной стезе вершить благое дело – понуждать прирастание человечности?!

Исключительно сменой модальности, расширением сектора обзора, включением проблематической, аподиктической точки зрения производится прорыв в «надреалистичное сверхданно-существующее»; художественное «видение» здесь само (!)-возрастает, – как точно высказывает Цицерон, в такой обстановке: *ipsae res verba garunt*.

Нечто подобное – в науке. Аристотелевское: знание отрабатывает *res realissimum*, – изначально, неизбежно, вынужденно разваливает перспективу теории. Этимологически «теория» суть «усмотрение», однако не чувственным, но умственным взором, активировать который не способно асерторическое протокольное фактофиксаторство. Показательно, что надстраивающееся над базисной рамой хроногеометрии Стагирита античное естествознание, оказываясь качественным, не могло сформулировать ни одного физического закона.

Прорыв в пресуппозитивном ядре – отказ от давления несомненности – принятие искусственной позиционности, попустительствующей схеме «пустотной» (реактивной к «естественно-насильственным» движениям, векторизованным перемещениям во внешней среде) механики, легализация сценографии однородно-изотропного универсума и прорывы сопутствующего им *als ob* несбыточного (неочевидно-вероятного) – позволили Галилею обогатить физику капитальными зависимостями (закон инерции, падения, сохранения энергии, импульса). Безотносительно воображительно-измыслительной инноватике падуанского естествоиспытателя мы не имели бы природознания.

Что, собственно, совершил Галилей? Радикальную модельно-модальную революцию, методологически означавшую слом эфемернейшей

версии философского реализма – эпистемологического наивного феноменализма; тщания Галилея знаменовали вступление науки в новую полосу эссенциалистского развития – фазу фундаментального имитационного теоретизирования.

Как вытекает из изложенного, нерв последнего – версификация обстоятельств не действительного – безусловного (W_0), а возможного – условного (W) мира.

Не торопясь с выводами, выйдем на простор квалифицирующего суждения.

Знаменательная констатация состоит в заключении: с Античности (Аристотель) до Нового времени (Галилей) – более 20 столетий цивилизации, – полагая, что знание обследует определенности W_0 , – человечество не знало науки в выверенном смысле слова.

Прибегая к слогу Иова, выразимся отчетливо: как о воде протекшей будешь вспоминать о прошлом своем [10] и уклоняться от предначертанных им направлений путей своих [9].

Аристотель предлагал разливать свет на коллатеральных зеркального отражения, Галилей – на магистралях творческого воображения. Утрирование «действительного» – реальные обстоятельства W_0 (поведение «тел») блокирует теоретизацию; утрирование «возможного» – фиктивные определенности W (поведение «материальных точек») теоретизацию стимулирует.

Подмена «подлинного» «мнимым», – такое практикуется одиозной психопатией, респектабельным же духовным исканием, строгим научным исследованием... Тут следует разобраться, не манкируя главным:

- что обслуживает образопроизводство (А)?
- имеют ли умозрительные конструкции мироудостоверительные проекции (В)?

(А) Где кончается видение, начинается сползание в видение? Шаг вперед, два назад, – но к – вершине! Канва играющего модельного сознания в эстезисе обслуживает авторское толкование человекостроительства. В любой – самой волюнтарной, эпатажной, экзотичной подаче. Взять хоть

- С. Кржижановского с его «...лучше сознательно не быть, чем быть, но не осознавать», даже в «странах, которых нет»;

- К. Вагинова с его переживанием «конца света» в безжизненном, пустом городе.

Веер экзистенциальных редакций, как подчеркивал Топоров, в «минус» – пространстве и, добавим, времени, – модельный просцениум у-топос, у-хронос, приспособленный к исполнению то «лебединой», то «козлиной» песни по случаю персонального Апокалипсиса в интерьере обследования самоощущения в нише самораспада.

Оправдано ли самоуглубление через проникание в недостижимое – «крайние», «пограничные» точки символического «нигде», «никогда», «ничто»? Оправдано, если диктуется призрачно-заостренными соображениями разыскательства; – в упомянутом казусе – нащупывании опор самостояния

в антропных экстремумах: «Я», «Ты», «Мы» – «последний остов Ренессанса».

Под вероятно-невероятную, невероятно-вероятную модельную заостренность – als ob-разукрупнения играющего сознания, вольного слова. Прямо – по Лукрецию:

Излагаю туманный предмет совершенно

Ясным стихом, усладив его муз обаянием всюду.

Эволюционно типаж homo ludens превратен [3], модельно-вообразительно – внятен. Внятен четким заявлением человеческой значимости «небытия того, что репрезентируется» (Беньямин). На данном основании – допустимость любого маскарада, феерии, пантомимы, драпировки, лицедейского острания, маски образа, костюма идеи.

Как точно у Вагинова:

Вкруг Аполлона пляшем мы,

В высокий сон погружены.

Расставим семантические акценты:

- «вкруг Аполлона» – бога солнечного света, концентрата прекрасного;

- «в высокий» – духоподъемный, гуманитарно емкий;

- «сон» – грезоподобное состояние образораскрепощенного духоутверждения.

Дабы не делаться темными, будем краткими, – скажем: духопросветленность, духоподъемность, духонеуемость, – три в одном составляют стилобат творчества, катализируя в эстезисе эйдетический метаморфоз, в поэзисе эйдологический метаболизм [7].

И эстезис, и ноэзис конституируются-культивируются образолобием: и то, и другое – «образное письмо» [1, с. 348]. Развертывая тезис, озаботимся детализациями.

Кто такой Дон-Кихот? Неуклюжий, неловкий во всем человек, житейский недоуздок, взбалмошный недотепа. Но... (Замятин поставил бы здесь недозволенное двойное тире «—») – рыцарь. Какой? «Печального образа». Подметим: образа! «Без страха и упрека». Подметим: несбыточного! Подметим и суммарный интенциональный нажим на модальное de dicto.

Выразительное фортиссимо детерминировано фокусом, пафосом упивания-упоения всесовершенством самоотверженности, бескорыстия, благородства. Идеального! Не того, что (по факту) – в действительности «есть», но того, что (по идее) – в возможности «бывает».

С позиций гносеологии – чистейшей воды платонистский сдвиг – пресловутый гипостазис с духоразработкой фантазмагорического автономного ино-мирия. Когнитивная дереализация сказанным не ограничивается.

Пролонгируя детализации, возобновим вопрошание: кем приходится Дон-Кихоту Дульсинея? Не женой, не любовницей... (сызнова напрашивается замятинский знак препинания) – мечтательно-грезовой «темой». Образным сгущением. Подчеркнем: образным! Передающим свойства

кого? Существа, к которому испытывают светлые, приятные, ничем не омраченные чувства. По сути – не женщины, – воплощения «женственности». (Маячит крепкая аналогия с гётевско-блоковской *ewig-weibliche*) [8].

Отвлекаясь от интригующего: конвертируется ли любовь к «женщине» на любовь к «женственности»? сосредоточимся на фиксации принципиального: образолюбие эстетизма, позволяя комбинировать отрешенными идеалами (в прямом и переносном словоупотреблении) – духоподъемными смыслозначимостями, обеспечивая высокое соприкосновение с недостижимым в W_0 Глубоким, Высоким, Гуманитарно непреходящим, – создает почву реализации собственного призвания: быть орудием человекостроительства. С мощным символическим подтекстом.

Символизм эстетизма проявляется в гносеологически витиеватой многотактной процедуре:

(1) усмотрение в полноценном (!) более или менее стандартном (!) для W_0 утверждении лица неких «девиантных» поведенческих проявлений;

(2) их гиперболизация – модельное заострение-разукрупнение;

(3) введение образных типажей – налаживание экзистенциально-героической эпопеи в W ;

(4) демонстрация гуманитарной ценности W -сценографии (3) для W_0 ;

(5) апофеоз – катарсис: реверсия W на W_0 .

Извлечем пользу из использованного «полевого» материала.

(1) обнаружение в трафаретных спорадических самозаявлениях агентов обмена деятельностью (применяя веберовский язык, – в традиционном, аффективном, целерациональном действии) ценностнорациональных завязей;

(2) признаков сгущение их в умозрительные концентраты;

(3) жизнедеятельностная атрибуция, предикация, интерпретация (2) через измыслительное сказание (саги, руны, баллады, романы – совокупная беллетристика);

(4) символическое масштабирование преимущества героического сопоставлением гуманитарной емкости образоуплотнительных акций лицедеев W сравнительно с «прозрачно»-«несбыточными» их W_0 -коррелятами;

(5) назидательный намек (сказка ложь, да в ней – намек!) на *ars simia naturae* (в реабилитационных центрах участников СВО пострадавшим читают детские сказки).

Поведение Дон-Кихота не рационально и не разумно, но именно в силу того он – любимец деревни. И не ее одной.

Мотор эстетизма – гиперболическое гротескное образное письмо. Мотор ноэзиса – гиперболическое гипотетическое образное письмо. С единым стержнем – родственной внутренней продуктивной колонизацией символического материала.

Здесь – самый цимес.

Дон-Кихота почитают в качестве олицетворения-воплощения фактически недостижимого-сверхзначимого человекостроительного начала: романно выведенной фантазмагории, преднастраивающей потенциальное гуманитарное зодчество. Преднастраивающей чем? Символически действенной деонтической детерминацией, приобщающей к пафосному катарсическому героическому.

Это несомненно, ибо невозможно: наиреальнейшим проявляется идеальнейшее! Непреходящая заслуга доктринального платонизма – утрирование мирозидательной роли духовно-образных символических форм, отрешенных универсалий.

Отдавая должное вообразительно-измыслительной символике, эстезис комбинирует идеалами, ноззис – идеалиями. Под фирмой то страданий, переживаний, то реконструкций, экстраполяций, – схематические диспозиции, модельные допущения, – сценические выдумки, изощрения, ухищрения, измышления. Вымыслы, имитации, манипуляции, – в эстеме – «обманивающие» жизнь; в нозме – «обманивающие натуру». Per extendum – о последнем.

Подобно эстезису ноззис держится образно версифицирующей инициативой, сподвигающей на освоение не «визуально», но «умственно» заданного.

Многообразие de re феноменологически самостийно, непосредственно; в нем есть масс-энергетические, линейные размерности – конкретные тела, действуемые «живым созерцанием». Оказываясь не эйдологичным, прямолинейно обслуживая адаптивный процесс, оно эволюционно целесообразно, утилизационно. Касательно компонентов пространства de re никакой концептуальной сценографии не оформить (прикладная задача «трех тел» в небесной механике не разрешима). О сказанном, правда, не догадывался Аристотель, проповедовавший гносеологический наивный реализм и допотопный физикализм. (Уместная традукция: касательно комплексов пространства de re не оформить и никакой художественной сценографии, что надоедливо опровергал, но не опроверг одномерный эстетический натурализм).

Актуализация теорийного взгляда на мир, выполняемая чередой фазовых трансформаций первого рода, заключается в замене вещецентризма эйдоцентризмом [5], реперными точками, капитальными фикс-пунктами чего оказываются операции

- Предельного перехода: действительное размерное «тело» замещается возможной безразмерной «точечной массой»; действительное движение в сопротивляющейся среде подменяется возможным «инерциальным движением». Вводятся имитационные модельные конструкторы, абстрактные фикции, позволяющие в «чистом виде» обследовать искусственную – «по вымыслу» «в себе» организованную нереальную реальность (W). Исследование умо-постигаемых объектов per se ipsum как особых гипостазированных идеалий, – это и есть сдвиг на теорийный угол зрения, включение

имитационного видения, обман наукой (культурой) природы; преодоление наивно реалистического «подражательства». Эстезис ценен демонстрацией образных изощрений человечества; ноэзис ценен демонстрацией образных ухищрений человечества. (Неизбежный «симуляционный», «инфляционный» момент указанного недопустимо гипертрофирован атеоричным пост-модернизмом);

- Концептуирования: достаточно вольные [7] тематизации (образные репрезентации) изучаемых связей: *abundat dulcibus vitis* спиновых стекол (новая термодинамика); преобразования адронной материи в кварк-глюонную плазму; генеалогии Вселенского локала в квантовой (флуктуация вакуума) и неквантовой (сингулярность) редакциях (космология, астрофизика) и т. д.;

- Диверсификации модельных рядов: наращивание поголовья виртуального материала применением широчайшего прочтения аксиомы выбора (АВ), легализующей «достижение недостижимого»: любые две прямые на проектной плоскости имеют инцидентную точку, что отменяет «здравомысленную» евклидову трактовку пространственных отношений;

- Эвристичной генерации (по продуктивному расширяющему синтезу – ПРС) модельных соображений: выпуск эмпирически необеспеченных, экспериментально инфляционных (вплоть до сдвигологических) идей – теория скалярного поля Хиггса (ожидающая верификации обнаружением массивного скалярного бозона);

- Эвентуально насыщенных допущений: объективации-инкарнации духопородительной деятельности – пневматосфера (Флоренский); ноосфера (Вернадский); психосфера (Чижевский); интеллектосфера (Хайдеггер); околоземная голограмма (Прибрам) [11];

- Креативного реагирования на внутренние запросы теории: аппарат когерентной логики, описывающей переменную топологию; семантики Крипке-Жойала, участливые к передаче конструктивного морфогенеза.

Sat prata biberunt; образопроизводство в духовном и практически-духовном сегментах сиволического обслуживает капитальные «жизне-, нату-рообманы». Умозрительным заострением-разукрупнением, гиперболизирующей имитации (гротеск, гипотеза), модельным перевоплощением данности W_0 становятся данностями W ; порождающей локомоцией ПРС вводятся вообразительные конструкты, наращивается поголовье идеализаций; ассоциированные их средоточия генерализируются в фиктивные многомерные многообразия, над элементами которых производятся факультативные манипуляции.

Определенность эстезиса конституируется соблюдением этоса художественного, тогда как ноэзиса – идейного творческого «вымысла».

В качестве *argumentum internum* фигурирует «вымысел», – прямое искажение реалий.

Неисправимо впоследствии исходно порочное. «Обманный» статус «образного письма» предобуславливает погрязание в «вымысле». Глубок же Эпихарм, вводивший: рука руку моет.

Истина не возникает из неясности, утверждает Бэкон; злоредна видимость истины, – вторит ему Ларошфуко.

Ясно: источник нового в ищущем духе – животворная сила воображительного, мечтательного, грезового начала. Не ясно: как фикции уступают истине.

Список литературы

1. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
2. Ильин В.В. История и философия науки: учебник / изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 335 с.
3. Ильин В.В. Метафилософия. Поэтика философии. М.: Проспект, 2021. 160 с.
4. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы / изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 168 с.
5. Ильин В.В. Теория познания. Символия. Теория символических форм. М.: Издательство Московского университета, 2013. 384 с.
6. Ильин В.В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М.: Академический проект, 2014. 204 с.
7. Ильин В.В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 173 с.
8. Ильин В.В., Родин П.Н., Сапегина О.П., Шафигуллина Т.В., Яловенко Я.В. Археология творчества: потенциал эстезиса // Российский гуманитарный журнал. 2025. № 2.
9. Иов. 6; 18.
10. Иов. 11; 16.
11. Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века. СПб.: РХГИ, 1999. 279 с.
12. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Просвещение, 1992. 479 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Ч. 1. М.; Пг.: Academia, 1923. 212 с.

THE ARCHAEOLOGY OF CREATIVITY: THE POTENTIAL OF NOESIS

V.V. Ilyin*, K.V. Ilyin**

* Bauman Moscow State Technical University, Moscow

** The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Exacerbating the intriguing epistemological plot: scientific activity is subject-based, but from some point of saturation it is not innovative; productively expansive scientific activity is not subject-based, the authors outline the prospects for removing the conflict. As a positive view of the nature of things, the author

substantiates: the source of the new in the searching spirit is the life-giving force of the subjectively adapted imaginative principle, which triggers the mechanism of productive expanding syntheses.

Keywords: *estema, noema, imagination, productive expanding synthesis.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Общественные науки» Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет), г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

ИЛЬИН Кирилл Викторович – студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва. E-mail: kilin-23@edu.ranepa.ru

Authors information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – PhD (Philosophy), Professor of the Department of Social Sciences of the Bauman Moscow State Technical University, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

ILYIN Kirill Viktorovich – student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. E-mail: kilin-23@edu.ranepa.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 26.05.2025.